

*Иорданов А.Ф.
(Пятигорск)*

Субъективная семантика эквивалентности и противоположности в категориальных структурах языковой личности

Одна из отличительных черт современной гуманитарной науки – интерес к личности, человеческой индивидуальности. Поэтому личностный принцип, индивидуальный субъективный подход являются важными положениями психологии, психолингвистики и антропоцентрического направления в лингвистике. Вместе с тем остро ощущается нехватка адекватных диагностических методов и средств, предназначенных для реализации этих положений на практике. Сегодня необходимо разрабатывать специальный инструментарий, который бы позволил включать в научный анализ не только общее и типичное, но и единичное и уникальное в личности человека. Предлагаемая статья посвящена именно данному аспекту проблемы – анализу возможностей использования новой экспериментальной парадигмы для попытки выйти за пределы наблюдения общезыковых соответствий между словом и реальным объектом и исследовать когнитивные структуры, стоящие за индивидуальными особенностями языковой личности.

Известный отечественный языковед и философ А.А. Потебня, развивший теорию ближайшего и дальнейшего значения слова, отмечал, что знания людей о мире отнюдь не тождественны, и это сказывается на том содержании, которое они вкладывают в слова. Люди понимают друг друга в процессе общения потому, что в содержании слов есть нечто общее. Это равное, одинаковое в содержании слова Потебня называл его ближайшим значением. Именно этот вид значения делает, по мнению Потебни, язык средством общения, тем не менее у слова есть еще и другое, различное, меняющееся от индивида к индивиду дальнейшее значение, которое «у каждого различное по качеству и количеству элементов» [5: 20]. Та же идея имплицитно присутствует в рассуждениях психологов и психолингвистов, настаивающих на разведении категорий «значение» и «смысл». Так, говоря о «реальной двойственности» существования значений для субъекта, А.Н. Леонтьев справедливо отмечал, что речь тут идет, с одной стороны, «об особенностях функционирования знаний, понятий, мысленных моделей и т. п... в системе отношений общества.., а с другой – в деятельности индивида; в этой второй своей жизни значения индивидуализируются и субъективизируются» [3: 136].

Реконструкция «видения мира» глазами другого реализуется нами в реконструкции систем индивидуальных значений (личностных смыслов), через призму которых происходит восприятие мира субъектом. Средством решения этой задачи выступает построение субъективных семантических пространств для различных содержательных областей при помощи метода «личностных конструктов», разработанного американским психологом Дж. Келли в рамках когнитивного подхода к изучению личности. Будучи связанной прежде всего с психологией по материалу, эта техника, на наш взгляд, может быть наполнена собственно лингвистическим содержанием и трансформирована в психолингвистическую. Психолингвистические же методы позволяют воссоздать индивидуальную систему значений непосредственно в речемыслительной деятельности конкретного субъекта, так сказать, в «режиме употребления».

Опираясь на философию конструктивного альтернативизма, Келли утверждал, что в мире не существует такой вещи, относительно которой не могло бы быть как минимум двух мнений. Иными словами, осознание человеком действительности, других людей, самого себя – это всегда предмет для истолкования. Причем в то время как сам факт часто очевиден, его значение всегда открыто для различных интерпретаций, то есть одно и то же событие, одно и то же явление можно рассматривать сквозь сетку различных конструктов [2]. Задача психолингвиста – проникнуть в «личную теорию» мира испытуемого, реконструировать его собственную систему представлений, попытаться взглянуть на мир глазами другого. Сегодня, когда повсеместно признается право на альтернативные стили жизни и способы мировосприятия, оказалось, что теория Келли, появившаяся в 1955 году, необычайно опередила свое время.

Основное понятие в теории Дж. Келли – понятие конструкта. Это же понятие легло в основу метода репертуарных решеток, точнее, репертуарные решетки появились в результате попыток операционализации понятия конструкта. Конструкт – особое субъективное средство, сконструированное самим человеком, проверенное им на практике, помогающее ему воспринимать и понимать окружающую действительность, прогнозировать и оценивать события. В самом общем виде конструкт – биполярный признак, альтернатива, противоположные отношения. Вводя понятие конструкта, Дж. Келли объединяет две функции: функцию обобщения (установления сходства) и функцию противопоставления. Дж. Келли подметил одну очень важную особенность функционирования индивидуальных значений: когда мы что-то выделяем, называем, утверждаем, мы почти всегда имеем в виду и нечто конкретное, противоположное данному, актуализируемое в настоящий момент [2]. Действительно, многое в нашем языке, как и в нашем обыденном мышлении, подразумевает не формулируемое в явной форме противопоставление. Если исходить из этого допущения, то, возможно, удастся проникнуть в когнитивные процессы, долго маскировавшиеся формальной логикой, которая чересчур крепко скована словами.

Представления Дж. Келли о важности принципа биполярности имеют ряд параллелей с некоторыми лингвистическими и психолингвистическими концепциями. Так, российский психолингвист А.А. Брудный предложил оппозиционную концепцию значения, суть которой заключается в том, что значение слова определяется не только и даже не столько отношениями сходства, сколько конституируется системой противопоставлений [1]. С другой стороны, некоторые авторы отрицают тотальность принципа биполярности и показывают и доказывают существование однополюсных конструктов.

В противоположность фрагментарным концепциям (психологии «переменных») Дж. Келли развивал представления о единстве и целостности личности человека, поэтому определяющее понятие в его теории – понятие системы конструктов. Этим он подчеркивает то, что конструкты – не изолированные образования. Они взаимодействуют друг с другом, взаимоопределяют друг друга. Причем характер их взаимодействия не случаен, а носит целостный, системный характер. Конструкты в силу этого приобретают ряд системных качеств, которых не было бы у них, если бы они существовали как изолированные образования. В контексте сказанного можно утверждать, что личными являются не только конструкты; личной становится и та иерархическая система, в которую они организуются. Данная системная организация конструктов характеризует личность даже больше, чем различия между отдельными конструктами.

В нашем психолингвистическом эксперименте был использован классический вариант методики Келли, получивший название «Репертуарный тест ролевого конструкта» (сокращенно Реп-тест). 60 первокурсникам ПГЛУ предъявлялись для заполнения специально подготовленные решетки. Зная, кто подразумевается под

каждой репертуарной позицией, респонденты совершали триадический выбор: в колонку «полюс конструкта» надо было записать суждение, включающее качество, по которому двое похожи между собой; в колонку «противоположный полюс» – фразу, из которой ясно, чем третья фигура отличается от двух других, то есть суждение с противоположным качеством. Именно этот когнитивный процесс выявления сходства и различий приводит к формированию личностного конструкта.

Остановимся более подробно на лингвистической составляющей выявленных конструктов.

Во-первых, от испытуемых требовалось указывать особенности, связанные с чертами характера, мотивацией или ценностными ориентациями, то есть лексическое наполнение конструктов ориентировано на выделение оценочных (коннотативных) признаков. По условиям эксперимента оценочные прилагательные переводились в предикатную позицию, оформляя суждения типа «Они люди импульсивные». В этих предложениях субъективно окрашенные предикаты имеют диффузные денотаты с нежесткими границами, поэтому проблема определения значения оказывается чрезвычайно сложной. Предметную отнесенность (денотативное значение) довольно легко зафиксировать для конкретных понятий и гораздо труднее для таких абстрактных понятий, как «доброта», «справедливость», «скромность» и др., содержание которых культурно-исторически и индивидуально обусловлено. В толковых словарях подобные значения представлены, как правило, краткой дефиницией, причем невозможность полного описания значений всех слов в чисто языковой плоскости заставила лексикографов использовать метод изображений (остенсиональных определений), когда указываются лишь объекты, входящие в объем понятия. При этом не раскрывается содержание значения.

Во-вторых, мы исходили из того, что значения существуют только в системе значений и раскрываются только через эту систему. Следовательно, их нельзя наблюдать непосредственно, а приходится «извлекать» из текста, моделировать, наблюдая характерные для данного индивида системные связи слов. С этой точки зрения методика Келли, предполагающая звено выявления индивидуального значения через поиск значений, семантически связанных с исследуемым, реализует этот принцип. Говоря слова «добрый», «справедливый», «скромный» и др., каждая личность вкладывает в них свое содержание. Поистине подтверждается старый тезис: «Человек является мерой всех вещей». Выбор прилагательного для того, чтобы составить оценочное суждение, обычно означает, что говорящий сформулировал категории, обладающие для него одновременно включающими и исключающими свойствами конструкта. Считать, что у кого-то мягкий характер, – значит подразумевать существование у другого человека жесткого характера.

Каждый личностный конструкт образован по существу координатной осью «сходство – противоположность». Нам необходимо смотреть на оба конца конструкта, если мы хотим узнать, что же он означает для конкретного человека, которого мы не сможем полностью понять, если будем смотреть на один конец оси, представляющий сходство. Нам не понять, что имеет в виду испытуемый, допустим, под «отзывчивостью», пока мы не будем знать, что он видит в качестве релевантно противоположного «отзывчивости».

Обратимся к выявленным конструктам в нашем эксперименте. Так, респондент **А** образовал оценочный конструкт в виде высказываний, где предикатные позиции были представлены шкалой «отзывчивый – безразличный». Респондент **Б** противоположный полюс обозначил иначе – «отзывчивый – спокойный». И, наконец, респондент **В** считает антонимом слову «отзывчивый» прилагательное «хладнокровный». Ясно, что значение слова «отзывчивый» каждый из этих трех испытуемых понимает по-разному. Содержание противопоставления при этом определяется, очевидно, не столько языковыми нормами, сколько представлениями самого испытуемого, его

«имплицитной теорией личности» (в данном варианте решетки). Дифференциация окружающих по «люди отзывчивые – люди хладнокровные» отражает представления испытуемого об антагонизме отзывчивости и хладнокровия и определяется спецификой его индивидуального опыта; «отзывчивый» у этого испытуемого может иметь совершенно иной континуум, простирающийся вдали от континуума, свойственного «отзывчивому» других людей.

Как психолога Келли прежде всего интересовала конструктивная система испытуемого с точки зрения способов интерпретации им своей социальной действительности. Мы сосредоточили основное внимание на вербальном содержании выведенных конструктов, их системных связях. Значения имеют двойственный характер: они общественны по своей природе, но могут существовать лишь в сознании индивидов, и для нас представляет интерес именно это «присвоение» субъектом общественно выработанных значений, их существование в индивидуальном сознании, своеобразная индивидуальная семантическая карта.

Еще более наглядный пример с прилагательным «веселый». В качестве черты характера оно было употреблено у 14 испытуемых. Вот перечень противоположных полюсов данного конструкта: *грустный, строгий, унылый, мрачный, серьезный, скучный, скромный, замкнутый, обычный (заурядный), неразговорчивый*. Как видно, говорящий может подразумевать нечто совсем неожиданное, даже когда высказывает простое повествовательное утверждение. Для кого-то «веселый» значит противоположное «грустному» (такое словоупотребление соответствует словарному значению), для кого-то «веселый» значит «не строгий», для кого-то – «не скромный». И, наконец, совсем неожиданный вариант, когда под «веселым» подразумевают что-то «достаточно редко встречающееся, необычное». В последнем случае «веселость» оказывается полюсом конструкта, который проводит не столько качественное различие между характерами людей, сколько подчеркивает редкость этого качества. Итак, налицо общность словоупотребления при отсутствии общности толкования. Следовательно, личные конструкты отражают своеобразие индивидуальной системы антонимии, а антонимичный полюс конструкта выступает своеобразным средством «редактирования» значения, возможностью адекватного его понимания. Такая переформулировка снабжает нас, пытающихся понять, как человек интерпретирует значения, важным семантическим ориентиром, ведь во многих случаях очевидно вербальное искажение концептуализации, а то, что находится вне диапазона пригодности конструкта, рассматривается не как часть контрастирующего фона, а как область иррелевантности.

И наоборот, люди могут пользоваться, по существу, одинаковыми истолкованиями своего опыта, но выражать их совершенно непохожими номинациями. Мера синонимичности пар конструктов нами измерялась при помощи математической статистики (коэффициент корреляции Пирсона). Если два конструкта коррелируют на высоком уровне значности, то из этого следует, что мы имеем дело не с двумя разными конструктами, а с одним, но вербализуемом по-разному. Но сказать так, даже с опорой на статистическое доказательство, – значит чрезвычайно упростить действительное положение дел: ведь мы «вырываем» пару конструктов из системы, в которой все взаимосвязано. Смысл и значение этих конструктов можно определить, только учитывая их положение в целостной системе. Например, в конструктивной системе испытуемого Д конструкты «общительный – замкнутый» и «добрый – злой» полностью совпали. Это означает, что для этого человека общительные люди всегда добрые, а замкнутые – злые. Разумеется, так бывает далеко не всегда, но личный опыт данного индивида сливает эти две категории в одну, синонимизируя индивидуальные значения. У некоторых студентов сливались одновременно три и более значения, то есть конструкт оказывался иногда «склеивкой» нескольких качеств, которые объективно не взаимосвязаны. На этом основано много искаженных стереотипов в восприятии

окружающего мира: если кто-то воспринимается как общительный, то автоматически наделяется еще целым рядом положительных признаков.

То, что далеко не все личностные смыслы говорящего легко доступны для собеседников, видно из эксперимента. Своеобразный характер конструкта у конкретного индивида, не общепринятое использование им номинаций может вводить в заблуждение получателей информации. И наоборот, если есть искажения в системе концептуализации у адресата, то, естественно он может не воспринимать какую-то номинацию в качестве кодифицируемого лингвистического символа реальности.

Дальнейшая компьютерная обработка матриц осуществлялась по программе SPSS из статистического пакета инструментария для социальных наук. Математическое построение семантического пространства является переходом от базиса большей размерности (признаков, заданных конструктами) к базису меньшей размерности (категориям-факторам). Содержательно фактор можно рассматривать как смысловой инвариант содержания конструктов, входящих в фактор, и в этом смысле факторы являются формой обобщения прилагательных-антонимов, на базе которых реконструируется семантическая карта, а ее факторная структура отражает индивидуальную систему антонимии и синонимии.

При геометрическом представлении семантического пространства категории-факторы выступают координатными осями некоего n -мерного пространства (где мерность определяется числом независимых, некоррелирующих факторов), а значения лексических единиц задаются как координатные точки внутри этого пространства, восстановленные на основе знания их проекций на оси факторов, то есть знания нагрузок значения слова по каждому фактору.

Семантическое пространство является своеобразным метаязыком описания значений, оно позволяет проводить их семантический анализ, выносить суждения об их сходстве и различии путем вычисления расстояний между соответствующими значениям координатными точками в пространстве. При этом оценивается не столько значение как знание об объекте, сколько коннотативное значение, связанное с личностным смыслом, социальными установками, стереотипами и другими эмоционально насыщенными, слабо структурированными и мало осознаваемыми формами обобщения.

Проиллюстрируем принципы размещения конструктов во фрагменте семантического пространства одного из респондентов. Система его конструктов оказалась сегментарной. Решетка формализует этот процесс и дает математическое обоснование связей между конструктами данного человека, позволяет более детально изучить отдельные подсистемы конструктов, подметить индивидуальное, специфическое в структуре и содержании его речевого сознания.

Как можно видеть на рисунке, некоторые пары конструктов коррелируют больше, чем другие. Например, наблюдается высокая корреляция между конструктами «хитрый – откровенный» и «жадный – добрый», соответственно минимальны семантические расстояния между словами «хитрый» и «жадный», с одной стороны, и словами «откровенный» и «добрый» – с другой. Напротив, незначительна корреляционная связь между конструктами «хитрый – откровенный» и «гордый – слабохарактерный», поэтому расстояния между этими точками велики.

Особое внимание следует обратить на пучки коррелируемых, взаимосвязанных конструктов. Так, по результатам эксперимента оказывается, что слово «образованный» в сознании данного испытуемого имеет своеобразный психологический ореол, насыщенный негативными компонентами-спутниками (*скрытный, жадный, хитрый, наглый*). Для психолингвистики этот факт весьма примечателен, поскольку позволяет уточнить некоторые традиционные сугубо лингвистические представления о значениях слов. В частности, лингвисты давно различают лексику экспрессивно нейтральную и экспрессивно окрашенную, однако, видимо, в некотором смысле

экспрессивно окрашены все слова, так как человек оценивает все, с чем сталкивается. Пропускаемые через индивидуальное сознание слова «заражаются» личностными смыслами и неизбежно приобретают эмоциональный тон – пусть не всегда осознаваемый.

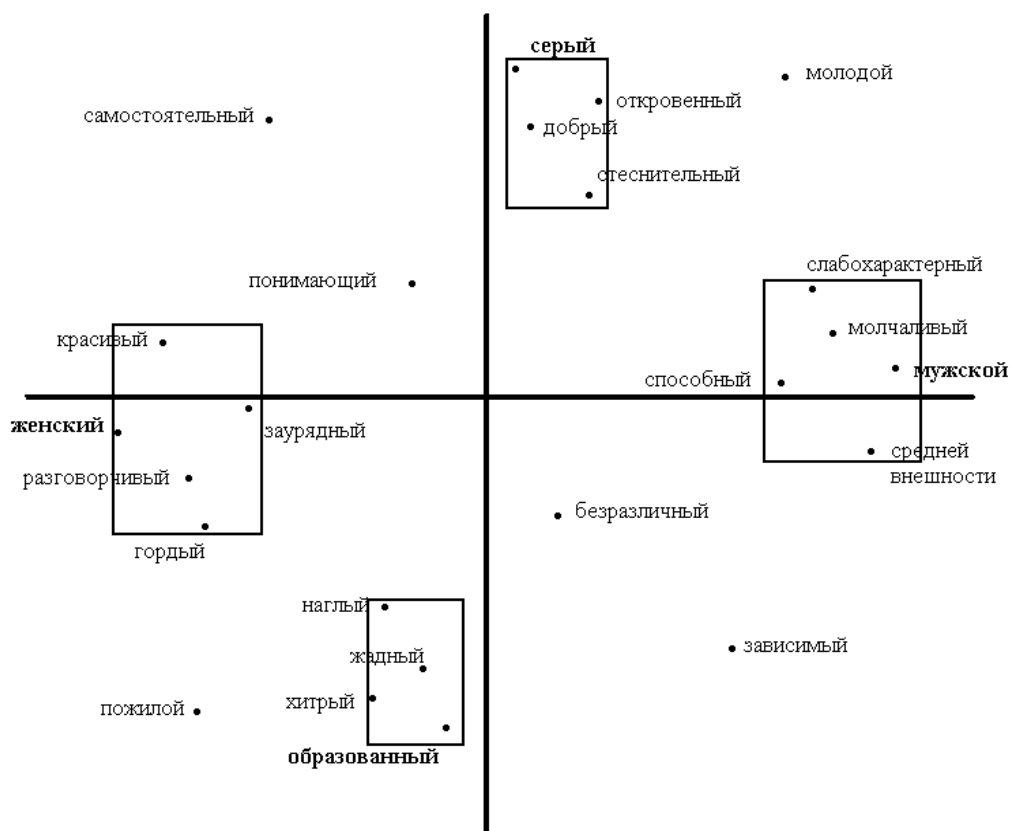


Рис. Размещение конструктов в пространстве двух главных (суперординантных) осей-факторов: «гендерного» и «образовательного»

Анализ некоторых индивидуальных системных качеств конструктов позволяет разобраться в их содержательной сути. На рисунке видно, что есть конструкты высокого уровня общности (суперординантные), обобщающие целые подсистемы, а есть конструкты подчиненные (субординантные), обобщаемые другими конструктами, более высокого уровня общности. К этой же группе относится и такая характеристика иерархических отношений, как импликация (от логической импликации: «Если А, то Б»). Некоторые конструкты имплицитно (наводят, предполагают) другие конструкты. Например, если женский пол, то обязательно красивые, гордые, разговорчивые, и заурядные (в интеллектуальном смысле). Как видим, конструктивная система данного респондента отличается рудиментами стереотипной и жесткой гендерной поляризации. Вместе с тем гендерный конструкт один из наиболее значимых (ядерных) в его системе. По мере того как некто истолковывает других людей, он вербально формулирует систему истолкования, управляющую его когнитивными процессами и, по всей вероятности, его собственным поведением. Конструкты, включающие других людей в качестве своих контекстов, навязывают также определенный образ мысли и действий их обладателю.

Таким образом, лингвистическое значение на теоретическом уровне можно определить как отношение между различными конструктами, а выявить его на операциональном уровне помогут решетки. В ходе эксперимента было установлено, что отношения между конструктами, выявленные при помощи решетки и

предсказываемые на основании словарных значений отношения между вербальными наименованиями, обладают высокой степенью сходства; синонимы связаны высокой положительной корреляцией, антонимы высокой отрицательной и т. д. При этом индивидуальные отношения между конструктами несколько отличаются от тех, которые предсказаны на основании словарных значений. В этом нет ничего неожиданного, так как и здравый смысл, и теория конструктов дают основания полагать, что отношения между конструктами, как правило, представляют собой результат обучения (следствие общности), однако каждый из нас, основываясь на уникальном личном опыте, присваивает словам идеосинкретические значения (следствие индивидуальности).

Итак, если для психолога решетка – способ выявления и анализа только «психопатологии» или, например, только «личности», то психолингвист может использовать ее с равным успехом для исследования дискурса и других символических процессов. Техника личностных конструктов отражает как когнитивные структуры, стоящие за языковыми значениями, так и индивидуальные особенности языковой личности, ее личностные смыслы.

Выделение категориальных и вербальных структур, опосредующих восприятие и осознание субъектом различных содержательных сфер деятельности, – структур «обыденного» сознания – необходимая задача, так как воспитание, обучение направлены не на абстрактную человеческую особь, а на реальных людей, обладающих индивидуальным опытом, своим «видением» мира. В этом смысле репертуарные методики, являясь гибким и универсальным методом субъективного шкалирования, позволяют использовать бесчисленное количество способов получения первичных оценок, применять весь арсенал современных алгоритмов многомерного анализа данных и строить сложные геометрические и топологические модели индивидуальных семантических пространств.

Библиографический список

1. Брудный, А.А. Значение слова и психология противопоставлений [Текст] // Семантическая структура слова. – М., 1971.
2. Келли, Дж. Психология личности. Теория личных конструктов [Текст] / Дж. Келли. – СПб., 2000.
3. Леонтьев, А.Н. Деятельность, сознание, личность [Текст] / А.Н. Леонтьев. – М., 1977.
4. Лурия, А.Р. Язык и сознание [Текст] / А.Р. Лурия. – М., 1998.
5. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А.А. Потебня. – М., 1958.